

ПРОТОИЕРЕЙ
АЛЕКСАНДР МЕНЬ
ПУТИ ЦЕРКВИ

Александр Мень

Пути Церкви

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня»

1989–1990

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Пути Церкви / А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Меня», 1989–1990

ISBN 978-5-903612-31-4

В книге собраны лекции о. Александра Меня, прочитанные им в 1989–1990 гг. В них о. Александр рассказывает о становлении христианства в первые века (от I до X в.), о святых и мучениках, о христианских философах и богословах, об отцах Церкви и проповедниках евангельской вести как на Востоке, так и на Западе. Лекции публикуются впервые.

УДК 2
ББК 86

© Мень А., 1989–1990

ISBN 978-5-903612-31-4

© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня, 1989–
1990

Содержание

Тайна Евангелия	7
Павел Тарсянин и его эпоха	16
Начало христианской Церкви	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

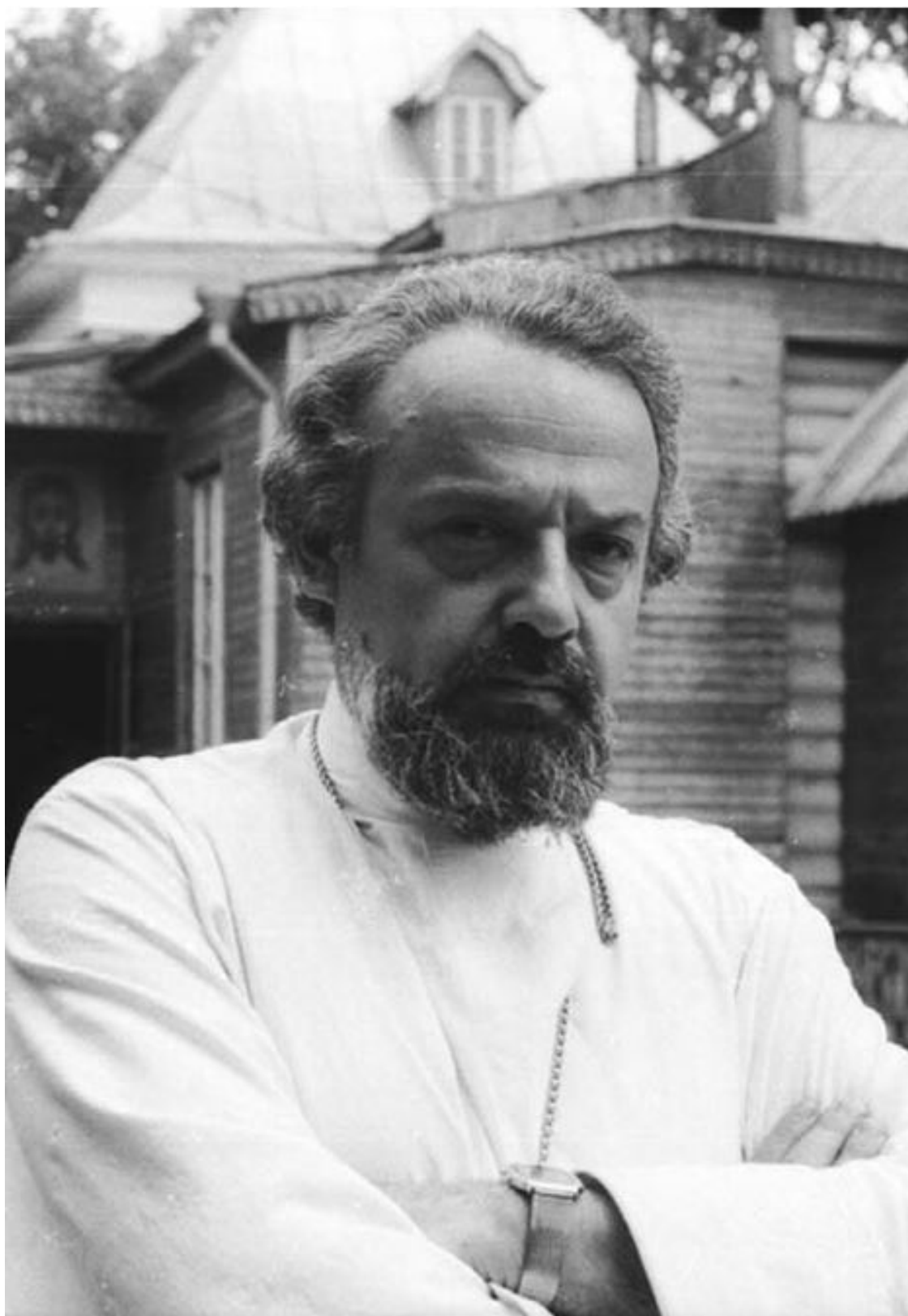
Протоиерей Александр Мень

Пути Церкви

© М. А. Мень, текст, 2013

© Издательский дом «Жизнь с Богом», 2013

* * *

Прот. Александр Мень

Тайна Евангелия

Вся духовная жизнь человечества шла и продолжает идти к вершине человеческой истории, к откровению Евангелия. Я еще раз хочу напомнить вам слова святого Иннокентия Херсонского, русского подвижника XIX века, который, очевидно, в ближайшее время будет причислен к лику святых¹.

Он говорил, что в каждой религии есть свои степени постижения истины. Он сравнивал соотношение между религиями с распределением солнечных лучей по земному шару – от полюсов до экватора. Если на полюсах солнечный свет дается в малом количестве, то на экваторе – в большом. Так святой Иннокентий сравнивал различную глубину постижения Божественной тайны. Откровение Евангелия, говорил он, является экватором духовной истории человечества. Но наличие экватора само по себе не зачеркивает того факта, что все равно солнечный свет, так или иначе, объемлет всю землю и что без него бы земля и жизнь на ней не существовали.

Итак, мы сегодня стоим перед загадкой Евангелия.

Что такое Евангелие? Это слово означает *Радостная Весть*. Ибо человеческий род узнал о себе и о мироздании немало интересного, но и много печального. Человеческий род ощутил безмерность Божественного – и свое ничтожество. Человеческий род пришел к идее спасения, например, в буддизме или в таинствах мистерий в Элевсине (около Афин), но это спасение достигалось за счет полного поглощения человека высшим, потусторонним. Собственно говоря, отказ буддизма от жажды жизни увенчивался тем, что спасение достигалось отказом от самого человека, от самого бытия.

Но кто же заложил в нас эту жажду? И почему человек должен либо погрязать во временном, несовершенном, либо, пытаясь подняться в бессмертное, совершенное, полностью отрываться от земного? Возможно ли достижение какого-то высшего синтеза?

И если посюсторонние учения как бы раскидывают свои крылья горизонтально, двигаясь по поверхности земли, а мистические, потусторонние ищут глубину, то, как выражался русский философ Евгений Трубецкой, синтез этому дает Крест. Крест соединяет в себе вертикальное стремление в Небо и горизонтальное, обнимающее землю.

Последние годы на наших глазах происходит удивительное превращение, потрясающее тех, кто наблюдал перипетии отечественной культуры за последнее десятилетие. Мы были свидетелями режима, системы, которая претендовала на божественную абсолютность, на божественную священную непогрешимость и которая в течение жизни нескольких поколений отбрасывала – и не только отбрасывала, но уничтожала, жестоко и беспощадно, – все проявления традиционных религий. Все можно было претерпеть, кроме этого. И трудно было предвидеть, что наступят сегодня такие дни, когда религиозные ценности больше не проклинаются, не предаются анафеме, не уничтожаются.

Попытка сделать государство священным, поставить его на место божества, попытка заменить государственным культом все откровения, открытия, которые существовали и существуют в истории, привела к колоссальному культурному самоубийству. Горели бесценные рукописи и иконы, взрывались и разрушались православные церкви, христианские церкви других исповеданий – костелы, кирхи, молитвенные дома, – взрывались ценнейшие древнейшие религиозные памятники ислама, буддизма, иудаизма и других религий, которые существуют на территории нашей страны.

¹ Архиепископ Иннокентий (Херсонский) (1800–1857) – богослов, духовный писатель, проповедник. В 1997 году причислен к лику местночтимых святых Одесской епархии Украинской православной церкви (Московского Патриархата).

Происходили необратимые, невозвратные потери, разрушалось самосознание народов, происходил разрыв между современниками и минувшими поколениями; целые пласты мысли, поэзии, музыки, литературы, народных традиций, наконец, самое главное, этические принципы – все это беспощадно сметалось с пути во имя создания новой вавилонской башни, нового, призрачного, искусственно создаваемого псевдомира.

И когда мы проходим мимо бассейна «Москва», мы невольно задумываемся над этим и воспринимаем эту печальную картину как огромный исторический символ. Потому что на месте храма, который там стоял, должен был быть вовсе не бассейн, а, как многие из вас знают, должен был стоять огромный, фантастически огромный Дворец Советов. То есть это должен был быть псевдохрам, святилище новой, секулярной политической религии.

Но все это кончилось ничем. Все это кончилось колоссальной нравственной, политической, хозяйственной катастрофой. Политической – потому что бесправие торжествовало здесь свою победу, жизнь человеческая стала дешевле самого дешевого товара! Совесть стала относительной! Разговоры о материализме привели к кризису и в области материальной жизни. Иными словами, произошло все точно как в басне Крылова «Безбожники», где герои басни кидают огромные камни в небо, чтобы свергнуть богов, и потом эти камни падают им на головы. И заключает Иван Андреевич эту басню словами:

Плоды неверия ужасны таковы;
И ведайте, народы, вы,
Что мнимых мудрецов кощунства
толки смелы,
Чем против Божества вооружают вас,
Погибельный ваш приближают час...

То есть все это он видел за сто с лишним лет.

Сегодня, когда к нам возвращаются духовные ценности человечества, мы, конечно, в первую очередь обращаем внимание на христианство. Я очень ждал, что 1000-летие Крещения Руси станет добрым, хорошим, разумным поводом, для того чтобы власть могла показать изменения в религиозной политике, в прошлом бессмысленной и беспощадной. К счастью, так и произошло.

Но что видит человек, не посвященный в сущность христианства, в эти торжественные дни, месяцы, годы? Он видит лишь внешность христианства. Он слышит величественный колокольный звон; он видит красивые очертания чудом спасшихся церквей и куполов; он видит старинные художественные формы; он слышит звуки прекрасных песнопений, которые теперь часто звучат и по радио, и по телевидению; он видит (к сожалению, чаще всего в музее) древние иконы, плоды великого христианского творчества Византии, Древней Руси, Болгарии, Сербии; он видит и многое другое. Это целый необъятный мир, полузабытый, оттесненный на задворки нашего быта и жизни.

Но сегодня мы с вами говорим об истории духа. И, прежде чем сказать о христианстве, нужно задаться вопросом: чем же оно отличается от остальных верований? Что принципиально нового оно внесло в историю и в жизнь человечества? И это, друзья мои, не то, что мы видим на торжественном, красивом, праздничном фасаде церкви. Ибо великие здания прекрасной архитектуры – ими владел и до-христианский мир. И мы можем сказать, что индийские храмы или древнегреческий Парфенон тоже были по-своему совершенными произведениями искусства.

Конечно, древность обладала и высокими образцами священной поэзии: мы с вами упоминали и Бхагавад-Гиту, и буддийские сутры; в конце концов, и Гомер, и Вергилий касаются священных религиозных вопросов. Такие произведения литературы, как «Диалоги» Платона или «Мысли наедине с собой» Марка Аврелия – это тоже шедевры человеческого духа.

Да, звучат колокола, но буддийский мир тоже их знает, как знает он и четки, и иконы – конечно, другие по стилю, замыслу и содержанию, но, тем не менее, высокохудожественные произведения. Одним словом, объективно и строго глядя на поэзию, музыку, архитектуру, живопись, мы должны признать, что как феномен культуры, как явление человеческой истории христианство занимает выдающееся место, но наряду с другими мировыми и национальными религиями. В конце концов, великое священное искусство египтян с эстетической точки зрения тоже можно сравнить с искусством иконописи – и там были свои особые законы, свое особенное видение мира.

Для того чтобы познать специфику, особенность христианства, понять, почему мы говорим о нем как о религии религий, надо заглянуть в его душу, понять самое главное.

В связи с этим я хочу обратить ваше внимание на одну маленькую деталь. Если любому человеку, закончившему школу, показать египетское изображение, он скажет: да, это из Древнего Египта. Он может не знать, какого века – Египет существовал тысячелетия, – но он знает: это египетское. Также он скажет: это ассирийское, это индийское (буддийское или индуистское), это мусульманское. И каждый человек, даже невежественный, может издали отличить древнегреческий храм от мусульманской мечети.

Почему? Потому что все религии теснейшим образом связаны с определенной, локальной, замкнутой во времени и пространстве культурой. Более того, когда рушились эти культуры, вместе с ними зачастую (хотя и не всегда) погибали и эти религии.

Между тем, если мы возьмем, например, в России только Казанский или Исаакиевский собор в Ленинграде и сравним со Святой Софией Киевской или с новгородским храмом Спас-Нередицы, если сравним роспись в Исаакиевском соборе с росписью в каком-нибудь древнем новгородском соборе, или сравним песнопения, которые были в Древней Руси и в XIX веке, то увидим, что они очень разные.

Если мы посмотрим шире, то увидим бесчисленное количество религиозных школ, обрядов, как и различных по форме храмов. Первоначально были какие храмы? – тяжелые прямоугольные, не украшенные снаружи базилики. А потом было византийское искусство, ничем не напоминающее искусство готическое.

А современные церковные сооружения по всему миру? Каждая из них по-своему своеобразна. Иконопись, которая является шедевром христианского искусства, бесконечно далека от той церковной живописи, которая была во дни ранних отцов Церкви, когда христианское искусство находилось в тесной связи с античным искусством. Между тем, иконопись порвала связь с античными канонами.

Я это говорю для того, чтобы вы поняли, что все культурные проявления в христианстве – это надстройка, а духовное ядро, какими бы ни были его проявления в мире, – оно единое. И нет той тесной связи между ними, которая бы была нерасторжима, как в других мировых и национальных религиях.

Если бы я мог вам показать здесь, хотя бы на экране (для этого пока нет возможности), как строятся христианские храмы в Индии, в Китае, в Африке, то вы бы увидели, что они совсем не похожи на наши. И это закономерно, ибо христианство – абсолютная, мировая религия в полном смысле этого слова.

Углубляясь дальше, мы спрашиваем: в чем же ее духовное ядро? Сейчас очень много говорят о нравственном значении христианства. И это верно. Это невозможно оспаривать, потому что еще из Ветхого Завета Евангелие берет универсальную истину, что служение Богу прежде всего является служением людям, что человек, который служит Богу, если он попирает другого человека, – он обманывает и себя, и Бога.

Значит, добро есть величайшая жертва, которую человек приносит на алтарь Всевышнего. Но и этого мало, потому что высокие этические принципы были и у Конфуция, и у Лао-

цзы, у Мен-цзы, у Заратустры, у стоиков и вообще у греческих философов, и, естественно, в Ветхом Завете. Значит, что-то еще более важное лежит в основании.

Это более важное есть Благая Весть, Весть о том, что Сам Создатель пришел в этот мир. Он пришел не фигурально, не обобщенно, не условно, а совершенно реально, и, как говорил святой Афанасий Великий: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом». И вот эта тайна и является сущностью Евангелия.

Причем эта тайна открывается человечеству в свободе. Не принудить людей явился Иисус Христос в этот мир. И Он даже не провозгласил, не открыл это с первых дней Своей проповеди. Он выступил сначала как проповедник и учитель и лишь постепенно подводил Своих учеников к тому, что Он – Некто больший, нежели пророки.

Он говорил о словах Священного Писания: древним сказано то-то, а Я говорю вам то-то. Когда Он говорил «древним сказано», это значит, Он ссылался на Писание (на Ветхий Завет), которое есть Слово Божие, но когда Он добавлял: «А Я говорю вам», – Он являл абсолютную власть, и люди, прислушавшись, задавались вопросом: кто же Он?

Он пришел, оберегая нашу свободу, без санкций какой-то авторитетной школы, без санкций Храма – Он не был священником, без санкций власть имущих или традиции...

Он пришел как человек, принадлежащий к среднему классу общества, который даже жил не в столице, а в глухом городке. О городке, где Он провел Свою юность, говорили: «Из Назарета может ли быть что доброе?»²... И никогда никакого насилия над личностью. Если Он исцелял, то чаще всего говорил исцеленному, чтобы тот не рекламировал это, не разглашал, что все должно остаться между ними как что-то тайное, интимное, личное. Он никогда не делал Свою сверхъестественную власть орудием пропаганды.

Однажды Христос пошел по воде. Это очень важный момент, о нем говорят все четыре евангелиста. Это было тогда, когда народ захотел взять Его и против Его воли, насильственно сделать царем. Он отсылает Своих учеников на лодке вперед и незаметно от толпы поднимается на гору, потом, спустившись под покровом ночи, быстро идет, почти скрываясь, почти бежит от ликующей толпы, чтобы она Его не нашла. Единственный путь – это идти по воде. И Он идет.

Он идет по воде для того, чтобы Его не сделали царем! Он идет по воде вовсе не для того, чтобы продемонстрировать всем Свою власть над природой, а для того чтобы не принять земную силу и земную славу.

Он хотел, чтобы такими были и Его последователи. «Цари земные властвуют над народами, – говорит Он, – между вами да не будет так. Кто хочет быть между вами первым, да будет всем слуга»³.

Учителя иудейские спрашивают Его: скажи нам, Наставник (Он выступает как проповедник, как наставник), какая главная заповедь в Законе? И Он отвечает: главная заповедь та, которую дал Моисей: «Слушай, Израиль, Господь Бог твой един есть; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею, – вот первая заповедь! И вторая, – добавляет Христос, – подобная ей: люби ближнего своего, как самого себя»⁴.

На этом, говорит Он, то есть на этом как на основании, укреплен весь Ветхий Завет. И это Христос провозглашает самым главным в Писании.

Конечно, остается вопрос: кто есть ближний. На этот вопрос Он отвечает притчей о милосердном самарянине, который спас человека от беды, спас человека, о котором он не знал, кто

² Ин 1, 46.

³ Ср.: Мф 20, 25–26; Мк 10, 42–43.

⁴ Ср.: Лев 19,18; Мф 22, 35–40; Мк 12, 28–34.

он – единоплеменник, единоведец, чужак, для него это был просто человек, и он сделал для него все, что смог⁵.

Христос говорит о суде над миром. Его явление – это явление Божественного Лица в мире. Ибо, как пишет евангелист Иоанн: «Бога не видел никто никогда», потому что Бог – это безмерность, потому что это более чем необъятная Вселенная. Это колоссальная тайна, которую не может вместить в себя утлый человеческий рассудок! И только когда сам Неизреченный и Непостижимый захочет начать с нами диалог, тогда это становится возможным. И тогда мощный голос на всю Вселенную, на весь космос, становится все тише, и тише, пока не становится голосом человеческим. Только став одним из нас, Безмерность может говорить с нами. Только приблизившись к нам, Он может не заглушать нас, не подавлять, но сохранять нашу богоподобную свободу.

Тогда один из учеников в последнюю ночь сказал: «Покажи нам Отца (Того, Кто создал все, Кто является нашим Богом), и довольно будет с нас». Человек столетиями пытался познать Отца. Мы с вами проследили, мы с вами видели, как над этим мучился ум Платона, дух Будды, китайские, индийские, греческие, персидские, иудейские и другие мудрецы.

Платон говорил: «Трудно постичь Отца всяческих». А что мог ответить иной мудрец? Один говорил: молись; другой сказал: размышляй, познавай науки; третий сказал: отрешись от всего, созерцай вечность. Но только Иисус Назарянин ответил: «Столько времени Я с вами – и ты не узнал Меня, Филипп. Видевший Меня – видел Отца»⁶. Вот в чем сущность христианства, сущность Евангелия.

Все, что было до Него, – это руки, простертые к Небу, это поиск, это прозрение, это естественное откровение и открытие. А здесь – ответ Неба. Тихий, как шепот, но внятный для того, кто готов его услышать! Свободный от всякой навязчивости и давления, Он стучит в мир, стучит в каждое сердце, обращается не к массам человечества, а к отдельному человеку, к людям, связанным между собой.

«Я – голос Вечности, Я – Лик Божий», – говорит нам Христос. Он не просто учитель морали, не просто проповедник, не просто земной человек! – хотя Он был и земным человеком, и учителем, и проповедником, – но Он Сын Божий, пришедший к нам из иного бытия.

В этом была Его сила, в этом она и остается сегодня. Апостол Павел говорит: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же»⁷.

Человек нередко переносил на Бога свои мечты, свои подавленные сокровенные желания, ему хотелось быть защищенным мощной рукой. Он переносил на Бога атрибуты капризного деспота, властного царя. Ему хотелось, чтобы Бог был только судьей или, наоборот, только покровителем, который охраняет лишь избранных. Вот почему образы Божества часто затмеваются человеческим несовершенством.

Но вот перед нами живая икона: Иисус Назарянин, пришедший на Иордан к Иоанну из Назарета Галилейского. Что в Нем может быть измыслено? Кто Он? Человек любит силу и славу. Но в Нем не было ни земной силы, ни славы. Затем – распятый, отвергнутый, преданный. Недаром для нас крест является знаком, знаком Бога, прошедшего через полное уничтожение!

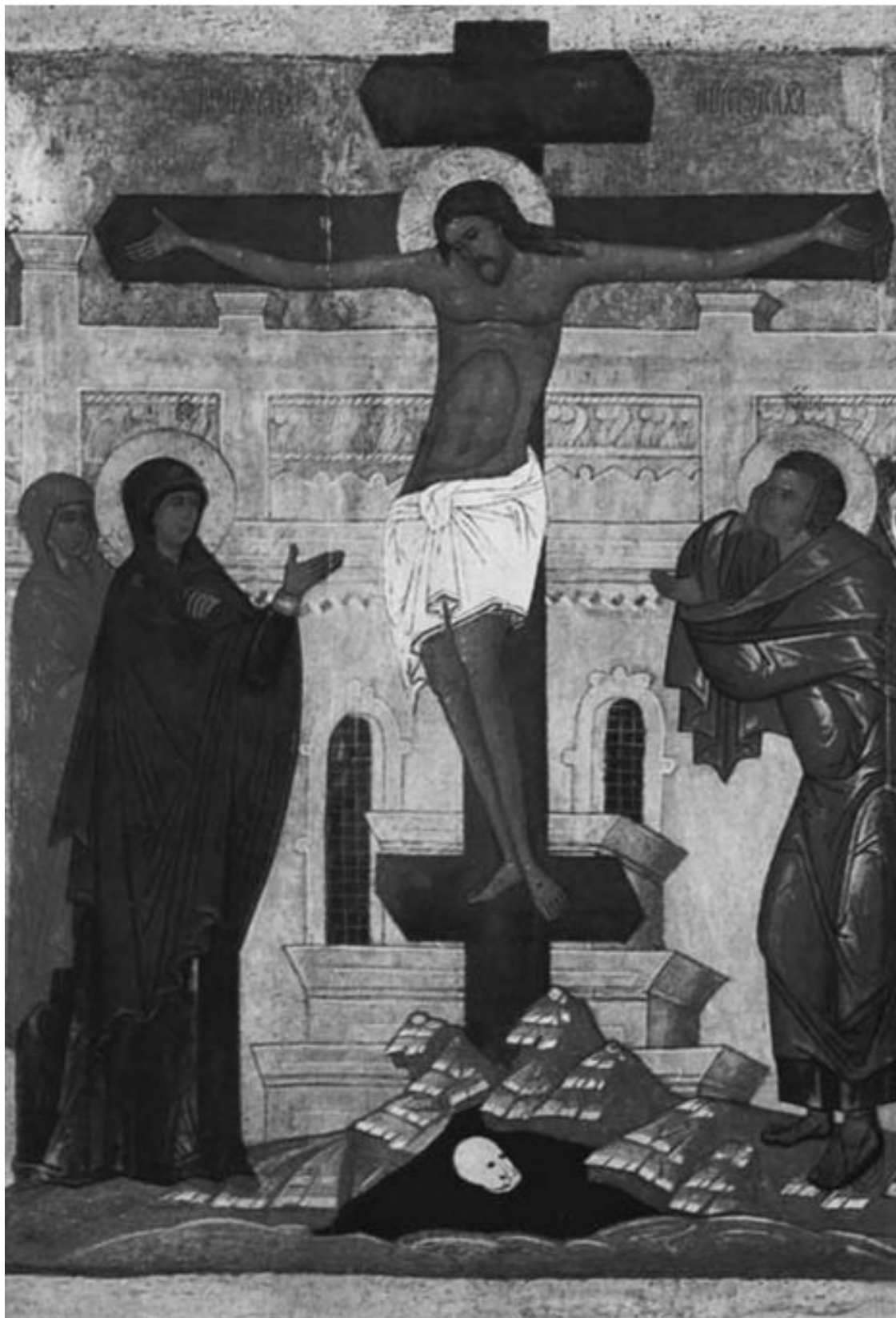
Как говорит пророк, за много веков предвидевший Его пришествие: «В Нем не было ни вида, ни величия... Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши»⁸.

⁵ См.: Лк 10, 25–42.

⁶ Ср.: Ин 14, 8–11.

⁷ Евр 13, 8.

⁸ См.: Ис 53.

Распятие. Икона Новгородской школы. XV в.

Он приблизился к нам, и это стало источником Его страдания. Но если бы Он не приблизился, Он бы нас не приобрел, не искупил, не выкупил, не освятил! Значит, либо – либо. Жесткая альтернатива. Либо Христос, придя к нам в страданиях, спасает нас, либо Он остается далеким от нас, оставаясь в Своем бесстрастии, в Своем не-страдании.

Моисей оставил людям скрижали. Будда оставил общину монахов, из которой потом образовалась всемирная религия буддизма. Заратустра сложил первые гимны, вошедшие в Авесту, Платон оставил нам свои гениальные произведения, Конфуций оставил свои изречения, свои идеи. Господь Иисус не оставил ни скрижалей, ни четко организованной общины, а Он сказал: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Я буду с вами во все дни до скончания века»⁹. Я, Я буду с вами – вот где сила христианства! Вот где разгадка его неуничтожимости. Она не в человеческих усилиях.

Много было предложено всяких фантастических объяснений, почему христианство пережило и гонения римских императоров, и недостойность своих средневековых руководителей, последователей, и гонения в XVIII веке, во времена Французской революции, и в XIX веке, и в XX веке, когда антихристианский ураган пронесся почти по всему земному шару, пытаясь уничтожить его от Китая до Мексики. И ничего не получилось. Что же, христиане из другого теста? Нет, мы такие же люди, обладающие такими же человеческими немощами. Но тайна Христова в том, что «Свет во тьме светит, и тьма его не может объять»¹⁰. Божественное основание христианства есть источник его силы.

Поэтому, когда некоторые теологи на Западе размышляют, имеет ли христианство будущее, мне смешно бывает их слушать, потому что они обсуждают это, как будто речь идет о какой-то партии, секте, человеческой группировке.

То, что создал Господь Иисус на земле, переживет все, что есть в истории. Потому что с этого момента, с момента, когда Христос провозгласил Свою Нагорную проповедь, когда провозгласил пришествие Царства Божия, начался над миром Страшный Суд. «Ныне суд миру сему», – говорит Господь. Суд заключается в том, что Свет пришел в мир, и этот Свет проникает в глубины души и совести каждого из нас!

Евангелие можно читать просто как произведение литературы, но это будет чтение ущербное. Читать его надо как слово Христово, обращенное лично к тебе! Это Слово, которое вопрошает, спрашивает тебя! И когда его свет проникает в темноту нашей души, тогда эта необыкновенная, эта таинственная книга начинает говорить, говорить так, как может заговорить лист, исписанный нотами.

Человек, не знающий нот, смотрит на них тупо, как на какие-то непонятные значки или крючки, а музыкант, когда разворачивает ноты, вдруг слышит в глубине души весь хор звуков, который в них закодирован. Так в этих лаконичных, скупых строках евангелистов, которые передали нам слова Христовы, закодирована Божественная сила, Дух Господень. Евангелисты передали их иногда дословно, иногда с некоторой интерпретацией, но важно, что суть дошла до нас точно.

В те дни, когда Христос проповедовал, у иудеев не принято было записывать слова за учителем. Полагалось запоминать их наизусть, и память древних людей была очень натренирована. Мы знаем, что даже Махабхарату запоминали, и до сих пор многие учителя знают ее наизусть, а она во много раз превосходит Библию по размеру.

Слова Христовы – это и поэзия, и ритмичные слова. Многие ученые перевели с греческого языка слова Христовы обратно на арамейский и на древнееврейский языки, на которых Он говорил, и обнаружили, что Он говорил часто стихами. Например, молитва «Отче наш» в оригинале имела не только ритм (размер), но и рифму! Это способствовало запоминанию. Таким образом, исследование помогает нам подойти к прямым непосредственным словам Христа.

Но здесь возникает еще одна очень важная проблема, которая подводит нас к духу и тайне Евангелия. Как бы ни был прекрасен идеал, когда человек обращается к нему, – чувствует,

⁹ См.: Ин 14, 18; Мф 28, 20.

¹⁰ Ср.: Ин 1, 5.

насколько мы далеки от этого идеала. И любое учение, любая доктрина очень часто остается как бы благим пожеланием или уделом небольшой группы людей. Христианство открывает иную сферу, иное пространство духовности, а именно: помощь, идущую от Самого Христа.

Апостол Павел, о котором мы будем говорить в следующий раз, писал: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»¹¹. То есть сила Христова помогает человеку осуществить то, на что он в обычном состоянии не способен. В этом одна из особенностей христианства: спасает человека то, что Христос дает ему как дар, великий дар. Мы называем его «дар блага», «благодать» – благо, которое дано человеку.

С человеком могут происходить удивительные трансформации, изменения, но все зависит от того, примем ли мы Евангелие в свое сердце, примем ли мы в свое сердце Христа? И дальше все будет связано с этим.

История Льва Толстого показывает (я просто беру классический пример, чтобы вы увидели): он хотел обратиться к христианству, он ходил в храм, он соблюдал посты, говел раз в год, как полагалось тогда, ходил по монастырям, – и все это оказалось напрасно. Очень скоро с него это все слезло, как шелуха. Потому что не было главного! Он искал в Евангелии только афоризмы, нравственные изречения. Он не познал Христа как Божественную Личность...

Божественность Христа была для него закрыта. А если так, то сколько он ни ходил по церквам и ни говел, все это оказалось тщетным. И это касается не только великого писателя, но и каждого из нас. Вот почему человек, который может многое исполнять, подобно, скажем, Ивану Грозному, очень любившему прикидываться благочестивым, если он не имеет Христа в сердце, все оказывается пустую.

Но, конечно, мы должны понимать, что есть и обратная крайность. Поэтому апостол Иаков пояснял, что «вера без дел мертва»¹². Вера не есть субъективное переживание, а есть некая сила, которая в нас поселяется и обязательно действует.

Это очень важные моменты, и о них больше всего думал и говорил апостол Павел.

Апостол Павел – наряду с апостолом Петром – первоверховный апостол, и значительную часть Нового Завета составляют его биография и его Послания. Но об этом мы будем говорить в следующий раз, а сейчас я хочу еще раз повторить, как надо читать Евангелие.

Я не буду вам перелагать его, излагать, – вы должны сами услышать слово Божие и понять его не просто как добрые советы или какие-то моральные назидания, – это гораздо глубже. Надо увидеть и почувствовать Самого Христа.

Это дается не сразу. Но в какой-то момент вдруг вы Его видите. Это чудо и эта тайна существуют. Это проверили многие поколения на протяжении двадцати веков христианства. И каждый раз встреча с Христом открывает нам бесконечную глубину жизни, радость, бессмертие, победу, настоящую песнь любви!

В древности Книга «Песнь Песней» воспевала любовь мужчины к женщине; но она была прообразом, предвосхищением величайшей любви, которую человек может когда-либо пережить, любви к своему Создателю, любви к Тому, Кто пришел нас спасти, то есть присоединить к Себе, вырвать нас из пошлой, мертвящей, ограниченной, обреченной на умирание, задавленной камнями греха жизни. Он может нас поднять совсем в иное мироощущение и мирозерцание. И в этом тайна христианства.

А вы можете спросить: почему за эти две тысячи лет христианство так часто терпело неудачи? Потому что слишком часто человек обращался лишь к внешней своей принадлежности к Церкви, как будто он вошел в какую-то партию и это ему гарантирует вечное блаженство. Отступления от Христа и были причиной бесчисленных неудач в истории Церкви, бесчислен-

¹¹ Флп 4, 13.

¹² Иак 2, 20.

ных трагедий. Но Христос непобедим. У Него всегда были Свои верные, и всегда, когда человек, казалось бы, совершенно уже не имел никаких надежд, вновь проявлялась Его сила.

Христос – безмерный, бесконечный, несет вечную любовь и в то же время, став смертным, приносит нам Себя в жертву, для того чтобы быть с нами всегда, чтобы посеять на земле семена будущего Царства. В этом Царстве будет править Бог, и тогда будет побеждено зло духовное, душевное и физическое, тогда будет исполнен замысел Творца о ликующей Вселенной, переливающейся всеми цветами радуги, и, как говорит нам Писание, «отрет Господь всякую слезу с лица человеческого, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» и Бог будет во всем¹³.

18 марта 1990 г. ДК «Серп и Молот»

¹³ См.: Откр 7, 17; Ис 25,8.

Павел Тарсянин и его эпоха

Я думаю, что каждый из вас помнит хотя бы по репродукциям замечательную икону Андрея Рублева из Звенигородского чина, которая называется «Апостол Павел». На этой иконе мы видим лицо человека, погруженного в какое-то глубокое размышление; открытый большой лоб, лысая голова – это человек, который как бы прислушивается к звукам неземной музыки.

Кто бывал в Ленинграде, в Эрмитаже, должен помнить знаменитую картину испанского художника Эль Греко «Петр и Павел», на которой рядом с Петром мы видим хрупкого задумавшегося мечтателя. Несмотря на то что по живописным приемам этот образ весьма далек от изображенного Рублевым, духовно они схожи.

Разные мастера в разные эпохи изображали этого человека. Это и мощный титанический образ, как статуя святого Павла в Риме около посвященного ему собора, это и резкий, такой характерный портретный образ, написанный Виктором Михайловичем Васнецовым на одной из центральных колонн Владимирского собора в Киеве.

История искусства постоянно возвращает нас к теме этого человека. Одна из ранних работ Сурикова написана на сюжет из жизни апостола Павла; и художник потом возвращался к этой теме... Кто только не пытался изобразить его: и неведомые, безымянные для нас византийские мастера, и древнерусские иконописцы, и великие Рембрандт и Гойя. Пожалуй, редко кто из крупных художников Востока и Запада, далекого прошлого и совсем недавнего, не обращался к этой фигуре.

Французский писатель, теолог и историк Эрнест Алло писал: «Обратите внимание, что Новый Завет включает в себя только две биографии, два жизнеописания – жизнеописание Иисуса Христа и апостола Павла». Уже один этот факт наводит на глубокие размышления. Если бы здесь, на этой сцене, собрали все книги, написанные об апостоле, то меня бы не было видно. Даже при самой аккуратной комплектации все бы было заставлено этими книгами до самого потолка. И это было бы далеко не полное собрание литературы об апостоле Павле.

*Андрей Рублев. Апостол Павел.
Икона из Звенигородского чина. Начало XV в.*

Покойный протоиерей Александр Шмеман, один из выдающихся проповедников и теологов Православной Церкви, недавно скончавшийся, писал, что это была такая яркая личность, что в течение всей истории Церкви «Павлов вопрос» был одним из самых острых и спорных.

В частности, западная Реформация – течение, которое было вызвано к жизни Лютером, – своим возникновением в значительной степени обязана толкованию, интерпретации идей апостола Павла.

Мне всегда казалось, что Павел – это тот человек в истории Церкви, который не только не исчерпан, не только не ушел в прошлое, но и сегодня еще недостаточно глубоко понят. Я специально принес несколько выписок – это суждения об апостоле Павле разных людей. Я это сделал для того, чтобы вы почувствовали, сколь противоречивы суждения о нем...

Вот что пишет Иоанн Златоуст, великий учитель Церкви: «Какую бы доблесть ни проявляли пророки, патриархи, праведники, апостолы, мученики – все это в совокупности имел Павел. Подлинно, как искра, летал он по вселенной, и как бестелесный, презирал труды и опасности».

Эрнест Ренан, французский историк: «Истинное христианство, которое будет жить вечно, вышло из Евангелия, а не из Посланий Павла. Писания Павла были опасностью и подводным камнем, причиной многих изъянов христианского богословия».

А вот что говорит Фридрих Ницше: «В сущности, был только один христианин, и Он умер на кресте; при помощи Павла жрец еще раз захотел добиться власти – ему нужны были только понятия, ученики, символы, которые гипнотизируют массы, образуют стада».

Еврейский историк Генрих Грец в прошлом веке писал: «Павел действовал так, чтобы порвать всякую связь между иудаизмом и христианством. Павел смотрел на христианство как на прямую противоположность иудаизму».

Адольф Гарнак, немецкий протестантский историк: «Павел был тот, кто понял Учителя и продолжил начатое Им дело».

Николай Глубоковский, русский богослов: «Только через святого Павла Евангелие Христово сохранилось в апостольском веке и сделалось потом стихией, претворяющей историю» (то есть преобразующей).

Немецкий философ Артур Дреус, активный антихристианин, близкий к фашизму, пишет: «Если вообще существовала великая личность, призвавшая к жизни новую религию, то это не псевдо-исторический Иисус, а Павел». Надо сказать, что Дреус считал Христа вымыслом.

Адольф Гитлер: «Не Иисус, который был арийцем, а еврей Павел – создатель христианства. Восхваляя миролюбие и дух равенства, Павел лишил Римскую Империю ее иерархического военного мировоззрения, которое являлось ее стержнем, что и привело к ее падению».

Герберт Уэллс: «Павел завладел наследием Иисуса и втиснул его в рамки догматического христианства».

Альберт Швейцер, врач, философ, музыкант: «У Павла полное согласие с учением Иисуса. Реализация христианства началась не с Павла, а после него».

Эрнст Добшюц, немецкий протестантский историк: «Павел оставался не греком, его мысли и чувства коренятся в иудействе, в Ветхом Завете».

Это лишь немногие высказывания, показывающие, насколько трудно было людям, даже нашего столетия, после стольких исследований, охватить эту поразительную личность.

История Павла начинается в 36 году I века, то есть через несколько лет после Голгофы, Пасхальных событий и Пятидесятницы. В то время в Иерусалиме жило немало эллинистов, то есть евреев-репатриантов, приехавших из различных стран мира. Их воззрения были часто весьма противоположны. Одни эллинисты, вернувшись на историческую родину, становились более ортодоксальными, даже фанатичными, и старались быть, как у нас выражаются, «святее самого Папы», то есть проявить свое благочестие, показав всем иерусалимлянам, что они превосходят их. Другие, напротив, повидав широкий мир, приобщившись так или иначе к мировой культуре, выступали против узости в выражении своей веры.

Эти эллинисты – назовем их либеральными эллинистами – входили и в состав первой апостольской общины. Более того, для того чтобы следить за справедливым распределением помощи нуждающимся, 12 апостолов (коллегия 12 апостолов во главе с Петром) избрали 7 управляющих, или, как мы теперь называем, «диаконов», от греческого слова «диакония» – «служение». Это был диакон не в современном смысле, который поет и произносит слова службы; тогда диакон был заведующий благотворительностью, помощью бедным. Так вот, все семь управляющих были эллинистами.

Среди них выделялся один, по имени Стефан, страстный полемист, горячий проповедник. Он неоднократно вступал в конфликт с ортодоксами и говорил им, что Храм не есть дом Божий, что, в конце концов, дом Божий – это вся земля! А где Его Престол – в этом городе?! Да нет, Его Престол – вся Вселенная, а Небо – Его обиталище. И подобного рода слова привели в конце концов к тому, что его действительно стали преследовать.

Его никто не судил, но произошло следующее. Во время смены римского прокуратора толпа обычно приходила в состояние возбуждения. Возникали надежды, что вот-вот кончится иноземное иго и можно будет опять добиться независимости. И тут поднимали голову движения самых разных толков. Поэтому когда Стефан выступил с проповедью имени Иисуса, с проповедью о том, что наступает новая эра, эра религии духа, толпа фанатиков потащила его в Синедрион, где он должен был дать ответ.

И Стефан вышел и сказал им все, что он думал. «Вы слепцы!» – сказал он и кончил свою речь гневным обвинением, брошенным в лицо фанатикам всех времен и народов. И о Храме он сказал, что это только камни, что это не вечное. Тогда в зал ворвалась толпа, которая вытащила его и совершила над ним расправу: без законного приговора его побили камнями как богохульника.

Книга Деяний апостольских говорит нам, что там присутствовал и молодой фарисей по имени Саул, или Савл; римское имя его было Павел (Паулус). Он не участвовал в расправе, но взялся сторожить одежду палачей, которые побросали ее недалеко от места расправы. Этим он продемонстрировал свое отношение к происходящему. Савл не был жесток, но его глубоко уязвили слова Стефана.

Кто же был этот Савл, он же Павел? Он тоже был эллинистом, но эллинистом особого толка. Он родился и жил в Тарсе, на юго-востоке Малой Азии, на границе современной Сирии и Турции. Это был город промышленный, культурный, торговый, языческий.

Родители Савла были людьми строгого благочестия. Они считали себя последователями фарисеев, самой ортодоксальной группировки, что в странах иудейского рассеяния было большой редкостью. Они постоянно поддерживали связь с Иерусалимом и хотели, чтобы сын их стал религиозным учителем. Родился Савл в первые годы нашей эры, следовательно, в момент расправы над Стефаном ему было лет 25–30.

Савл приехал в Иерусалим и стал учеником знаменитого иерусалимского богослова, рабана Гамалиила, человека терпимого, либерального, чуждого фанатизма, человека, который был проникнут высоким духом благочестия. Когда его спрашивали о том, что надо делать с новым движением, с членами секты, которые называли себя назарянами (слово «христиане» появилось позже), он сказал: много было разных сектантов, безумцев, но если это от человека – оно пройдет и кончится, само собой угаснет, а если от Бога, тогда преследующие могут оказаться богопротивниками. Вот у такого человека учился Савл.

Итак, перед Савлом встает вопрос: что значит новое учение? О чем учат эти люди? Он размышляет об этом, и, по-видимому, какое-то сомнение закрадывается в его сердце. Во время последней проповеди Стефана он видел «лицо его, подобное лицу Ангела», как пишет автор Деяний¹⁴. Он видел умиравшего Стефана, который молился, как и Христос, за своих убийц.

¹⁴ Деян 6, 15.

Павел понимал, что это люди добрые и благочестивые. Но почему они говорят такие кощунственные вещи?! Они говорят, что Избавитель мира, о Котором предсказывали пророки, Который должен прийти в силе, могуществе и славе, что Он не кто иной как этот простолюдин Иисус, Который нигде не учился, Которого осудил римский суд и Синедрион, Который кончил бесславно и был казнен рядом с двумя разбойниками!.. А чего стоят рассказы о Его воскресении!

Естественно, Савл во все это не мог поверить. Не потому что он не верил в чудеса, а потому что его никогда этому не учили. Он считал, что не было в книгах Священного Писания ни одного слова о том, что Избавитель мира должен пострадать. Хотя на самом деле было: в 53-й главе Книги пророка Исайи это было предсказано, но толкователи не замечали этих строк.

И как часто бывает, когда человек спорит с самим собой, он становится особенно агрессивным и начинает спорить с другими. Как пишет сам Павел, на совете, на котором решалась проблема, что делать с новым движением, Павел голосовал против последователей Христа, объединившись с правящей партией саддукеев – хотя эта партия была враждебна партии фарисеев.

Но христиан становилось все больше. По численности в этот момент они уже превосходили в Палестине и фарисеев, и саддукеев, и ессеев, обитателей пустыни Мертвого моря.

Каждый день чудесным, непостижимым образом увеличивалось число верующих. Бывали случаи, когда в один день сразу тысячи людей крестились в Иордане или в Иерусалиме, в купели Силоамской. То есть начиналось какое-то неуправляемое массовое движение. Надо было его остановить. Убийство Стефана было одной из попыток запугать христиан.

Савл узнал, что движение быстро распространяется и идет на север. Имея какие-то связи с севером (поскольку он сам был северянин), он узнал, что в Дамаске уже возникла довольно крупная христианская община. И он, фарисей, идет к первосвященнику Кайафе, к тому самому, который несколько лет тому назад произнес: «Повинен смерти», и отправил Иисуса Христа на распятие. Он идет к нему и говорит, что ересь распространяется и ее надо остановить. «Дайте мне бумагу, – говорит он, – которая даст мне право совершить суд в Сирии». Кайафа с удовольствием дает этот документ, и Павел отправляется в свой инквизиторский поход. Выйдя из Иерусалима, он направляется в Дамаск.

Мы можем только догадываться о том, что происходило с ним по пути. Конечно, он понимал, что идет, чтобы вершить зло. Но, с другой стороны, он думал, что служит добру. Вероятно, Павел вспоминал миролюбивые слова Гамалиила, но, с другой стороны, сам же мысленно возражал ему, что если не пресечь лжеучение, то оно может смутить очень многих.

Когда они приблизились к Дамаску (пеший путь, как и путь, совершаемый на лошадях, занимал немного времени), они оказались на широкой плоской равнине, и город уже виднелся вдали. Был полдень...

Внезапно какой-то непостижимый звук разорвал тишину, в которой звучали только его шаги и шаги его спутников, и всех озаарила вспышка света, которая, казалось, была ярче солнца. И когда сопровождавшие Павла пришли в себя, они увидели, что их вожак, как мертвый, лежит на дороге.

Впоследствии сам Павел говорил, что «Бог благоволил открыть мне (или, по другому переводу, «во мне») Сына Своего»¹⁵. В другой раз он так рассказывал: «Я услышал голос из света, говорящий мне на еврейском языке: "Савл, Савл, почему ты гонишь Меня?"» И он задал вопрос (голос звучал как бы в нем самом): «Кто Ты, Господин мой?» И услышал ответ: «Я Иисус, Которого ты гонишь».

¹⁵ Гал 1,16.

Великие слова. Ведь он гнал не Иисуса – Иисус умер и, по мнению Савла, не воскрес. И вдруг оказывается, Он жив, и не только жив, но Он отождествил Себя со Своими верными, со Своей Церковью. Преследуя Церковь, гонитель преследовал и Самого Иисуса.

«Что же мне делать, Господин мой?» «Встань, иди в Дамаск, на Прямую улицу, и там найди человека по имени Анания». Савл пытается встать, но в глазах у него мрак, он ничего не видит, он ослеп...

Друзья (или просто спутники) берут его под руки, и он, беспомощный, вступает в ворота города. Он пришел не таким, каким хотел прийти – гордым блюстителем Закона, суровым судьей-инквизитором! Он шел молча, глубоко потрясенный и подавленный тем, что произошло. И в скором времени, когда он пришел в общину, он поселился на улице Прямой. Замечательно, что и сегодня, спустя две тысячи лет, эта улица продолжает называться Прямой. Так она и сохранилась, и там даже есть остатки некоторых римских сооружений тех времен.

Слепой, растерянный, он сидел, когда в дверь постучали. Вошел человек, которого звали Анания, и Павел услышал знакомые слова (на греческом или на арамейском языке): «Савл, брат мой, Господь Иисус послал меня к тебе». Биограф Павла, знавший его лично, евангелист Лука, не говорит о том, какая у них была беседа. Он только лаконично сообщает, что «Павел принял крещение во имя Иисуса от Анании»¹⁶.

В Деяниях апостольских говорится, что Павел сразу обратился к людям с проповедью слова Христова. Но сам апостол исправляет эту неточность. Оказывается, он был не в состоянии что-либо говорить, хотя в момент крещения его слепота прошла. Савл вынужден был уйти в уединение. И он ушел на восток, в Набатею, в гористое пустынное царство, где пробыл довольно долго, почти три года¹⁷. И там в этой колоссальной душе совершалось великое и таинственное...

Удивительно, но ведь он подобен нам с вами! Он так же, как и мы, не видел Иисуса Христа, идущего по земле во плоти. Он не слышал Его проповеди, но он встретился с Ним на своем жизненном пути. И эта встреча все перевернула.

О чем мог тогда Павел размышлять? О том, что Бог непостижим, но вот Он открывает Себя в Своем Сыне. О том, что Иисус жив, теперь он это знал ясно с полной достоверностью. О том, что распятый и воскресший – истинный Избавитель мира, но не такой, каким представляло себе Его расхожее народное воображение, а иной Царь, Царь духовный!

Едва ли Анания что-то мог рассказать ему об этом. Основное было заключено во внутреннем мире Павла. Ему открылась одна удивительная вещь, которая потом стала основой всего его учения: что Бог действует в жизни человека, и то, что происходит с человеком, в значительной степени зависит от благодати (по-гречески *харис*), которая есть Божественная милость. Перевести это трудно. Слово «благодать» (русское, церковнославянское) обозначает благо, которое Бог дает человеку не за заслуги, а по Своей любви, – это Павел узнал по собственному опыту. Бог встретился с ним в лице Иисуса Христа.

И Павел стал великим пророком христианства.

[...] Огромный мир окружал Ветхозаветную Церковь, мир, который почитал различных богов – и Олимпийцев, и богов Рима, и богов Египта, и богов Вавилона, – кругом было язычество! Как можно идти в этот мир, что ему говорить? Но Бог сказал ему: «Я пошлю тебя к язычникам».

Но сначала (и это его принцип) надо действовать так, как развивается Священная история. Павел возвращается в Дамаск и приходит в еврейскую общину Дамаска. Люди удивлены: посланец Синагогии приехал, потом таинственным образом куда-то скрылся, о нем не было

¹⁶ Деян 9, 1-19.

¹⁷ См.: Гал 1, 15-17.

ни слуху ни духу, и вдруг он вернулся и хочет о чем-то говорить. Все готовы его слушать – ведь он ученик великого раббана Гамалиила. Он приехал сюда, чтобы выискивать заблуждения, разоблачать, но вместо этого куда-то сбежал! Как это понимать? Что произошло?

И Павел начинает говорить. Он говорит о том, что исполнилось Божественное обетование, исполнилось таинственным образом, но не так, как думает толпа. В мир пришел Посланик Неба, Который открывает людям не земное могущество, а тайну Божественной любви. И долго, долго говорит он: одни рады, другие смущены, третьи возмущены. Начинаются споры, в Иерусалим шлют людей: в чем дело? кого вы нам прислали? что это за человек? почему он такие вещи проповедует?!

Но в Иерусалиме было уже не до них. Сменился прокуратор, приехал в Иерусалим, разогнал очередную правящую группировку. Кайафа, который возглавлял суд над Христом, был смещен, потом другой первосвященник был смещен, назначен был третий, – короче, саддукеям, управлявшим Иерусалимом, уже было не до этого.

Тогда местная община решила избавиться от Павла руками дамасского правителя. А надо сказать, что как раз в это время римский император Калигула передал, «подарил», как говорилось тогда, Дамаск набатейскому царю Арете IV. От его лица в городе правил этнарх (наместник царя), которому донесли, что пришел некий иудей и смущает народ. У этнарха разговор короткий, он велит найти Павла и отдает приказ запереть все ворота, чтобы Павел не сбежал. (Города-то были небольшие. Кстати, стены Дамаска сохранились до сих пор, не все, но частично.) И ночью друзья спустили Павла по городской стене в большой корзине на веревке, и он ушел на юг¹⁸.

Куда же он ушел? Не домой, не в Тарс, а счел необходимым идти в Иерусалим. В тот самый Иерусалим, где расправились со Стефаном, где гнали и других христиан и эллинистов, тот самый Иерусалим, где всего лишь несколько лет назад был распят Иисус Назарянин. И шел Савл туда с тяжелым сердцем. Он думал о том, как его примут братья? Не сочтут ли они его внезапное обращение – его, гонителя, – не сочтут ли они это за ловкий прием фактически лазутчика, который хочет проникнуть в их среду, чтобы потом выдать их властям? И все-таки он заставил себя идти.

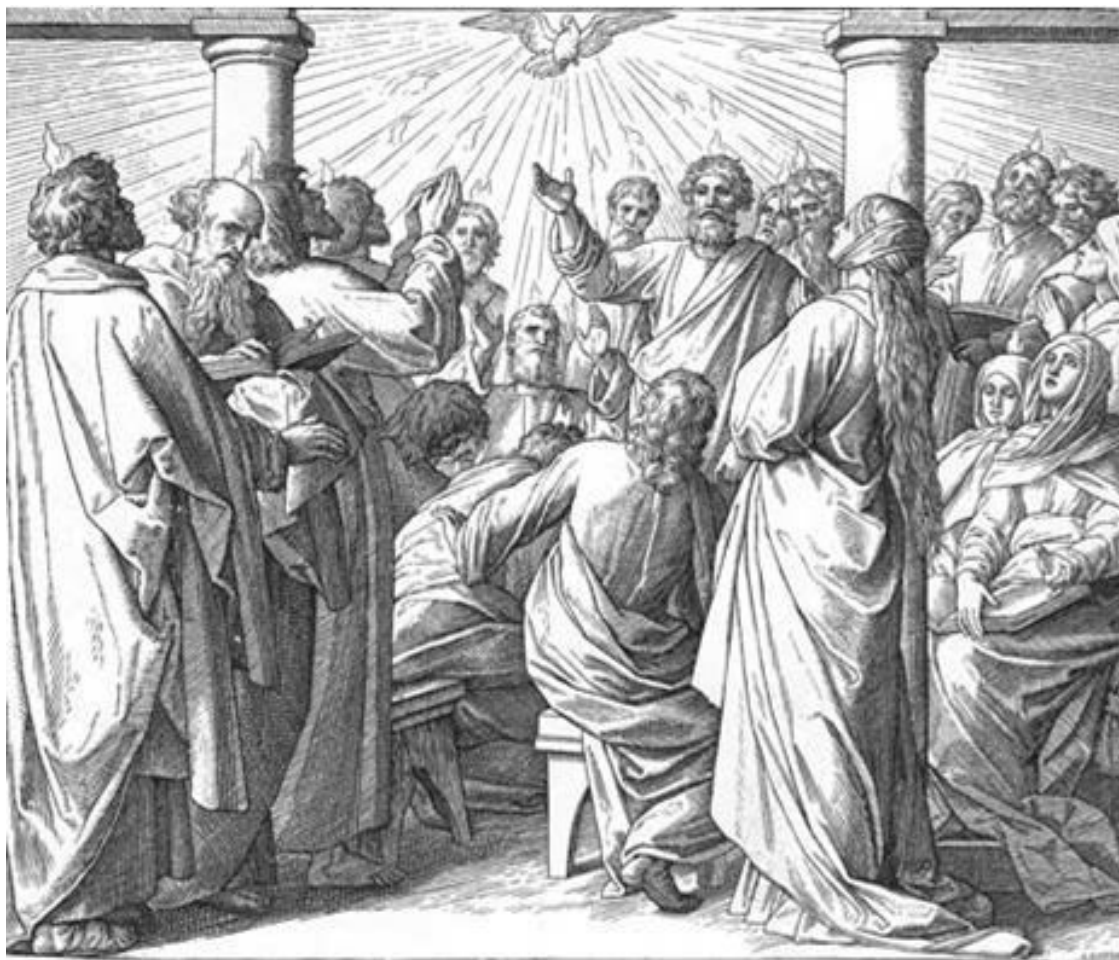
И когда он пришел в город и нашел уже очень сильно разросшуюся общину христиан, а это были тысячи и тысячи людей, он понял, что его опасения были не напрасны. Братья смотрели на него косо, и едва ли, как сегодня выражаются, хотели подать ему руку. И тогда нашелся человек, который понял, разгадал, увидел в Павле великую душу. Это был Иосиф Варнава, левит, то есть потомственный священнослужитель из Кипра, который постоянно жил в Иерусалиме.

Варнава был богатый человек, отдавший все свои деньги на содержание бедных иерусалимской христианской общины. Он нашел Павла в его доме и повел его к братьям, и прежде всего повел его к Петру. Потом познакомил с Иаковом, братом Господним, сродником Иисуса Христа по плоти. Больше никого из двенадцати апостолов Павел не видел.

Потом Павел поселился вместе с Петром, и две недели они провели вместе. Как не без юмора пишет современный английский богослов Чарльз Додд, наверное, эти две недели они говорили не о погоде. Это была очень важная встреча. Встретились два будущих столпа Церкви! Петр – галилейский рыбак, один из первых учеников Иисуса Христа, простой и порывистый, единственный, кто пытался защитить своего Господа, а потом отрекся от Него и был прощен. Он поднял вопрос о том, чтобы количество учеников было восстановлено до 12, и тогда избрали еще одного апостола вместо Иуды, и он в день Пятидесятницы проповедовал городу о Христе. Павел – ученый, богослов, человек из далекой тарсийской земли, прошедший через глубокий внутренний переворот, – и вот они друг перед другом.

¹⁸ См.: Деян 9, 23–25; 2 Кор 11, 32.

С нашей точки зрения они были достаточно молодые, то есть обоим не было и сорока... И с этого момента их судьба, их призвание навсегда оказались соединенными. Недаром христианская Церковь празднует память этих апостолов в один день, по новому стилю 12 июля, и называет их первоверховными апостолами.

Юлиус Шнорр фон Каросфельд. День Пятидесятницы.

Проповедь апостола Петра, который вышел из Сионской горницы в тот великий день Пятидесятницы

Потом Павел возвращается в Тарс. Ему приходится там скрываться, потому что его авторитет оказал огромную поддержку в проповеди христианства в Иерусалиме, и ортодоксы немедленно на него ополчились. Иосиф Варнава провожает его в путь, и он отплывает к себе на родину в Тарс. И там снова происходят удивительные вещи – он сам об этом пишет глухо и неясно. Он говорит: «Я знаю человека, который был вознесен на седьмое Небо и слышал такие слова и голоса, которые человек не может передать!»¹⁹ Это он говорит о себе.

Павел был истинным пророком Божиим... Он постоянно слышал в себе голос Божий: Бог посылал его проповедовать язычникам. Павел был полон смирения и умел овладевать собой. Если мы посмотрим на личность этого человека, мы увидим ее вполне рельефно. Ибо в Новом Завете для нас сохранилась не только значительная часть его биографии, написанная его учеником Лукой (это книга Деяний апостольских), но и множество Посланий, принадлежащих

¹⁹ Ср.: 2 Кор 12, 1–4.

его перу. Даже самые придирчивые критики признают, что, по крайней мере, 10 из них вполне достоверны, аутентичны.

Мы видим человека крепкого и вспыльчивого, проницательного и запальчивого, человека, который был очень серьезен, но в то же время не лишен и чувства юмора. В одном из апокрифических текстов II века есть описание его внешности (этот текст считается подлинным): он был маленького роста, рано облысел, у него был большой горбатый нос и длинная борода — некрасивый был человек. Но только огромные серые глаза под черными нависшими сросшимися бровями излучали какой-то особый свет. Вот таким был Павел Тарсянин, апостол Павел.

Когда однажды корабль, на котором Павел плыл, попал в бурю, всех, включая команду и капитана, охватила паника, и он один спас корабль, потому что сумел сохранить выдержку и призвал всех действовать быстро, умело и оперативно. Когда он оказался перед судом царя, в кандалах, он и тут сумел разрядить атмосферу удачной шуткой. Рядом с ним было множество людей, которые горячо его любили, у него были преданные ученики, которых он называл своими сыновьями и дочерьми. Но было и немало врагов, которые его люто ненавидели. Так бывает со многими яркими личностями в истории.

Павел был, как я уже в самом начале вам сказал, еще при жизни необычайно спорной фигурой. И можно считать чудом христианской истории, что его Послания были введены Вселенской Церковью в состав Библии, в состав Нового Завета, что они были переданы нам как слово Божие, вознесенное через человеческие уста, через человеческое сердце и разум.

Когда Павел описывает свои путешествия, то мы видим, какая это была поразительная жизнь! Много раз его пытали, бичевали, били, несколько раз он был в тюрьмах. Однажды он сутки провел в море на каком-то обломке, пережил несколько кораблекрушений. Все это он описывает иногда кратко, иногда подробно.

Павел испытал горе от чужих, горе от своих, горе от лжебратий, как он говорил, опасности на дорогах... У него тогда же, вероятно, возникло отношение к странствиям как к стратегическому плану проповеди, чтобы охватить словом Христовым весь средиземноморский регион Римской империи. И он строго следовал этому плану.

* * *

Сейчас я коротко вам расскажу, как совершались его путешествия. Но вы должны понять, что это не были современные путешествия, подобные тем, что совершаем мы, когда едем на поезде, на автомобиле, садимся на самолет или на пароход. Павел проходил довольно большие пространства пешком, он прошел тысячи километров по римским дорогам, он плыл на утлых суденышках, скорлупках, сталкиваясь с пиратами, встречаясь на дорогах с разбойниками. Он исколесил всю Малую Азию, Балканский полуостров и потом прибыл в Рим. И согласно преданию, достиг даже Испании.

У него было три крупных миссионерских путешествия. И хотя Павел был человек болезненный и небольшого роста, всюду он проявлял себя как нестигаемый, железный человек. Потому что дух, бывший в нем, был сильнее его немощи.

Павел страдал какой-то болезнью, вероятно — лихорадкой, которую подхватил в болотах Малой Азии. Он пишет: «Дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня, а Бог ответил: "Довольно для тебя Моей благодати, ибо сила Моя в немощи совершается"»²⁰.

Это действительно слова, которые можно было бы поставить эпиграфом к жизни Павла. Потому что он совершил действительно великие подвиги в немощи. Приступы этой болезни неоднократно клали его надолго в постель. И, как он пишет о членах своих общин: «Вы готовы

²⁰ См.: 2 Кор 12, 7–8.

были отдать мне глаза свои»²¹ (возможно, у него была болезнь глаз), – значит, он умел быть благодарным, умел любить.

Когда Павел появился на общественном поприще? Это было в районе 40 года нашей эры. В городе Антиохии совершился первый крупный социальный поворот в христианской общине. Сейчас на месте Антиохии, недалеко от побережья, просто небольшая арабская деревушка. Но тогда это был гигантский промышленный и культурный город с полумиллионным населением со всех концов мира.

Там образовались первые христианские общины из иудеев и эллинов, то есть людей, говоривших на греческом языке, – это были сирийцы, греки, италийцы, что создавало определенные трудности, потому что впервые возникала проблема различных обычаев. Например, иудеи не употребляли свинины (как впоследствии мусульмане), а греки ее всегда ели с удовольствием. Надо было решать в чью-то пользу. Ведь люди жили вместе, общины были очень сплоченными, часто они совершали священные трапезы вместе, и им надо было решать, как в этом случае быть.

Были самые различные мнения. Например, такое: каждый христианин, если он обратился из язычества, должен сначала принять иудейство и всю систему его обрядов, и тогда уже принимать крещение. Были и другие мнения. Короче, Антиохия стала местом первого кризиса Церкви.

В Антиохии в это время находился Иосиф Варнава, который, наблюдая за этим смятением, понял, что нужно вызвать Савла, который здесь может оказать большую помощь. Он отправляется пешком в Тарс, находит Савла и вместе с ним возвращается в Антиохию. Савл становится одним из руководителей первой смешанной христианской общины.

Надо сказать, что именно в Антиохии верующие во Христа, назаряне, стали называться христианами. Возможно, как полагают историки, так их называли «полицейские» (от греческого слова *полицейа* – «государство», то есть «государственные служащие»).

Почему? Потому что каждая этническая группа в составе Римской империи имела определенные права и законы. Ведь кто были христиане? Если они были иудеями, то у них были одни права, если это греки – то у них другие права. А кто такие последователи Христа? Какой-то третий вид. Тогда власти, очевидно, и придумали это название – *христианои* – «христиане», от слова «Христос». И довольно скоро сами верующие стали себя так называть. Но в Новом Завете это слово почти не упоминается.

Отсюда, из Антиохии Павел совершает свое первое путешествие с Иосифом Варнавой. Он плывет на Кипр, на родину Варнавы, там проповедует в иудейских общинах, а потом плывет в Малую Азию, где высаживается на побережье. Страна дикая: горы, леса, болота; множество самых различных народов...

Как можно здесь путешествовать? Три фактора помогли апостолу.

Во-первых, римские стратегические магистрали, которыми Рим «опутал» все Средиземноморье, покрыв его бесчисленными прекрасными шоссейными дорогами. Это не наши шоссе, которые трескаются через пару лет.

Если кто из вас бывал, не за рубежом, а у нас, под Сухуми, в Новом Афоне, то мог убедиться в этом: там есть гора, и до сих пор на эту гору ведет римская дорога, выложенная из прочных каменных плит. По ней поднимались десятки веков, и до сих пор эта дорога великолепна. Таким образом, когда мы следим за движением апостолов по древнему миру, оно почти точно совпадает с картой разветвленных римских трасс.

Во-вторых, надо было с чего-то начинать, надо было создать точку опоры, ведь кругом жили язычники. И этой опорой стали иудейские общины, рассеянные по всем этим странам. У них была одна особенность: приезжающий человек, будь то богомолец, купец или странник,

²¹ Ср.: Гал 4, 15.

находил приют и кров в общине. Хотя в то время еще существовало Иудейское государство, подчиненное Риму, общины в этих странах были.

Конечно, по всему этому миру существовали рассеянные группы народов всей Империи, но иудейские общины были религиозными. И человеку, приехавшему в новый для себя город, надо было только найти такую общину – и ему оказывали помощь; он мог прийти, помолиться с людьми и решить какие-то проблемы.

Третий фактор состоял в том, что не было языкового барьера. Римская империя, созданная Августом, фактически имела единый язык. Разумеется, все говорили и на своих языках: египтяне на своем, сирийцы, греки – на своем. Но был общий язык *койне́* – один из греческих диалектов, который был широко распространен.

И вот на основании этих трех вспомогательных факторов и началось путешествие Павла.

Если бы я вам стал рассказывать все, что с ним было, нам бы не хватило и пяти вечеров. Даже скупой рассказ Деяний апостольских – это чудесная эпопея! Один историк справедливо называл ее христианской «Одиссеей». Она проникнута духом веселья, радости, это победоносное движение христианства по миру без войска, без человеческой силы и славы. Кто были эти люди? Павел и Варнава – какой-то малоазийский богослов и кипрский землевладелец.

Потом Павел путешествовал со своим помощником Сильваном, или Силой. В Грецию его (во втором путешествии) сопровождали уже Лука и Тимофей. Лука был сирийский врач, человек, который до конца дней Павла оставался ему верен, был при нем. Он-то и написал наше третье Евангелие (Евангелие от Луки) и книгу Деяний апостолов.

В 49 году должен был решиться и главный вопрос: как поступать с язычниками, число которых в Церкви все увеличивалось? В Церковь входили египтяне, греки, галлы. Неужели необходимо всем им принимать ветхозаветные обряды?

Для Павла, в общем, вопрос внутренне был решен. Он считал, что этого делать не нужно, ибо с явлением Христа все изменилось. Божий Закон, данный в древности для того, чтобы сохранить Ветхозаветную Церковь, теперь трансформировался, и Павел опирался здесь на иудейскую традицию: когда придет Избавитель (Мессия), Он даст Новый Закон, Новую Тору.

Иные комментаторы говорили: не было ли здесь тактического хода? Ведь Павел мог понимать, что римляне и греки с трудом бы приняли систему ветхозаветных обрядов. Но это не так.

Дело в том, что в ту эпоху (впрочем, как и теперь) религия и обряд жили очень тесно, и когда человек принимал какую-то религию, он автоматически принимал ее обряды, и ни у кого это не вызывало каких-либо возражений. Это было вполне понятно: раз ты пришел в эту общину, ты должен соблюдать ее правила.

Но Павел противопоставил этой традиционной точке зрения, опиравшейся на Писание (потому что Закон Ветхий был объявлен в самой Библии вечным Заветом), иной источник – свое внутреннее откровение. Он провозгласил тогда, что человек приобщается к Богу не просто исполнением всех законов, а верой в Иисуса Христа, то есть внутренним рождением свыше.

«Старое прошло! – говорит он. – Теперь все новое». «Во Христе, – говорит он, – нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного»²². Он отлично понимал, что существуют и рабы, и свободные, и варвары, и скифы, и иудеи и эллины, но в момент духовной встречи со Христом все это исчезает.

Когда он говорил, что во Христе нет ни мужского пола, ни женского, это не значит, что он отрицал существование полов, а просто говорил о том, что эти земные человеческие различия (языка, народностей, пола, социального положения) перед лицом Божиим не имеют значения. Во Христе, говорил он, важна новая тварь!

²² См.: Кол 3, 11.

Для того чтобы вам было это понятней, чтобы вы смогли проникнуть в эту альтернативу, мы как бы заменим его термины. Он говорит о двух течениях: иудеи (ортодоксальные христиане), которые хотели сохранить Закон, и эллины, люди вольномыслящие, которые вообще отрицали Закон. И он этим говорит, что неважно ни то, ни другое. Так же и сегодня иные нам могут сказать: «Зачем людям обряды? – все это ерунда»; а другие говорят: «Нет, в обрядах вся суть». А Павел отвечает нам: во Христе важно не то и не то, а новая тварь, новое рождение, вера, действующая любовью.

В этом вся суть его откровения. Он хочет сказать, что человеку естественной религии, которая выражается у каждого народа в своих ритуалах, правилах, моральных нормах (хороших или, может быть, не всегда хороших), открывается новая перспектива, восхождение на совершенно иной уровень. Вот почему я с самого начала сказал, что апостол Павел – это пророк будущего. Он в своем сердце носил откровения гигантского масштаба, которые далеко не всегда может понять даже современный человек.

Он говорил о том, что сейчас пребывают вера, надежда и любовь. Но вера потом будет не нужна, потому что человек откроет Бога полностью. И надежда тоже, ибо она осуществится, а любовь будет всегда. Она бессмертна! Сегодня, он говорит, мы видим, как через тусклое стекло, потом – все увидим.

Люди спрашивали его: «Как же старое благочестие, как же слова Писания!» Он отвечал: «Буква убивает, а дух дает жизнь!»²³ Ему говорили: «Но ведь есть люди, которые столько подвигов совершили. Неужели это не так важно?» И он отвечал: «Если я говорю языками ангельскими и человеческими, если я имею всю мудрость и познал все, но любви не имею, – я просто побрякушка, кимвал бряцающий. Я ничего не значу. Никакого прока нет ни в каких подвигах или жертвах, если нет любви»²⁴.

Поэтому знаменательно, что в фильме Андрея Тарковского Андрей Рублев произносит как раз эти слова из Послания апостола Павла. Потому что для Тарковского они были очень важны как самая суть христианского учения.

И действительно, Павел, никогда не видевший Христа, Павел, живший в эпоху Нерона, в эпоху рабов и господ, всегда говорил о любви, учил о ней. Но он говорил также и о свободе. «К свободе призваны вы, братья»²⁵.

Путешествуя от одной страны к другой, он не просто проповедовал, он основывал общины Церкви. Тогда многие христиане думали, что скоро Христос преобразует мир, наступит конец света (как и теперь часто думают).

[...] И апостол Павел, огорченный, приходит в Коринф, в этот общеримский бордель, куда съезжались моряки со всего света, чтобы пропивать нажитые деньги. В Коринфе было больше публичных домов, чем храмов. И в этом городе, павшем так низко, Павел находит огромное количество приверженцев Христа: мужчин и женщин из разных слоев общества, от самых последних до самых высоких. Это только в марксистской литературе говорится, что христианство – это религия рабов. А при раскопках Коринфа найдена надпись с именем одного из отцов города, управляющих города, который был тоже учеником апостола Павла, его последователем.

Два важнейших Послания апостола как раз обращены к жителям Коринфа, когда он находился вне его. Его отношения с Коринфской Церковью были очень трудные, сложные. И я не хочу сейчас входить в детали, но скажу, что его пастырский труд описан во 2-м Послании к коринфянам как мученичество.

²³ 2 Кор 3, 6.

²⁴ Ср. 1 Кор 13, 1–7.

²⁵ Гал 5, 13.

И еще одно. Он был уже измучен этими людьми с их честолюбием, притязаниями, расколами (уже тогда появлялись расколы). И в Послании к галатам он пишет: «Уже не я живу, но живет во мне Христос»²⁶. То есть то, что он совершал, он совершал силой Христовой.

Постепенно создается сеть языкохристианских общин, то есть общин, состоявших в основном уже из бывших язычников. И ему приходилось сначала внушать им идеи монотеизма, единобожия, а лишь потом говорить о Христе.

Однажды он прибыл в Листру и исцелил там больного человека. А согласно древним легендам, именно в этих местах странствовал Зевс с Гермесом и посетил Филимона и Бавкиду – такую трогательную супружескую пару. И когда Павел совершил это исцеление, он вдруг увидел, что к нему ведут быка, да еще украшенного цветами, идут жрецы, поют песни, восклицают, – все решили, что Зевс – это Иосиф Варнава, потому что он был человек высокий, величавый, а Меркурий (Гермес) – это Павел, такой небольшой, подвижный и говорливый.

Он закричал: «Братья! вы с ума сошли. Мы обыкновенные люди!» После этого он долго им разъяснял только одну истину, он говорил им не о Христе, не о Евангелии, а о том, что Бог един...²⁷

Часто мне задают вопрос: почему в христианстве сохранилось обращение к священнику «отец». Конечно, это противоречит прямым словам Христа. Вероятно, Павел и не слышал об этих словах, потому что Евангелия были написаны несколько позднее и он не читал наших Евангелий – ведь прошло еще так мало времени, пока еще жива была память, живо устное предание!..

И Павлу кажется, что он родил тех, о ком заботился. «У вас не много отцов, – пишет он в одном из своих писем, – я родил вас во Христе»²⁸.

И это действительно было так. Муками родов мучился он постоянно. И то, что в Посланиях апостола Павла мы видим тревоги, трудности, проблемы христианской общины, делает его послания драгоценными. Мы видим, что первые христиане, хотя и были, вероятно, лучше нас, но они не были идеальными существами. Они тоже страдали от тех же слабостей человеческих, что и мы в наше время.

Например, одна группа христиан решила: скоро конец света – побросали все работу и ждали. И Павел писал: «Что же вы делаете?! Кто не хочет работать, тот пусть и не ест!»²⁹ Вот откуда пошла эта поговорка, это слова апостола Павла.

Вообще в своих Посланиях он произносит очень много слов, ставших крылатыми. Например: «Все мне позволительно, но не все полезно»; «Где нет закона, нет и преступления»; «Буква убивает, а дух животворит»; «Жало в плоть» – это все его слова. И немало подобных фраз.

Он хорошо владел греческим (он диктовал свои Послания), но в нашем тяжелом, местами достаточно устаревшем переводе Послания Павла читать трудно. В них надо внимательно вникать. Я думаю, что в скором времени будут опубликованы более современные переводы, тогда и мысль апостола станет ясней.

Его Послания написаны странным языком. Он диктовал, прерывал течение своей мысли, вдруг восклицал, задавал вопросы, переходил к другой теме. Тем не менее, всегда основная мысль становилась ясной.

И наконец, Павел решил побывать в столице Империи, в Риме. Как это произошло? Он попал туда, как у нас говорят, «за казенный счет». Прежде чем поехать в Рим, он отправился в Иерусалим на богомолье. Выполнял все обряды иудейства, чтобы братья-христиане, которые являлись приверженцами ветхозаветных обрядов, его не осуждали.

²⁶ Гал 2, 20.

²⁷ См.: Деян 14, 8–18.

²⁸ См.: 1 Кор 4, 15.

²⁹ Ср.: 2 Фес 3, 10.

Но этот компромисс, на который он пошел, не удался. Его обвинили в том, что он всюду учит против Закона Моисея, что он осквернил Храм, введя туда язычника, и натравили на него толпу, которая чуть не убила его на улице. Тогда римская полиция арестовала его, отправила в крепость к Антонию, и тысяченачальник велел без разбирательства просто его бичевать. Когда его привязали к столбу, Павел сказал сотнику: «Разве вам позволено бичевать римского гражданина без суда?»³⁰ У него было римское гражданство!

Надо сказать, что человек, имевший потомственное римское гражданство, пользовался определенными правами неприкосновенности по всей территории Империи. И тогда тысяченачальник испугался, и Павла начали судить по закону. Это был очень долгий процесс. В конце концов, Павел был оправдан. Но тогда он произнес сакральную формулу: «Требую суда императорского»³¹.

Каждого римского гражданина, который сказал это, обязаны были, за казенный счет, отправить к императору в Рим. И он был отправлен под конвоем с друзьями – тогда не было профессиональных адвокатов, а их заменяли друзья, то есть на суде человек выступал в свою защиту (речь-апология), а потом в его защиту говорили его друзья.

И эти друзья отправились с ним из Кесарии в Рим. Это было очень интересно. Лука, который был с ним, подробнейшим образом описывает это путешествие. Павел, много раз пересекавший морские просторы, уже был, так сказать, морской волк. И когда они приплыли к острову Крит, к месту, называемому Хорошие Пристани, Павел сказал: «Будет буря, останемся здесь», а была осень. Но Юлий, сотник, спешил и не собирался пережить зиму, и тогда, как Павел и предупреждал, в пути их захватил шторм. Носило без конца, и, в конце концов, они наскочили на скалу. Павел велел всем бросаться в воду, и они поплыли. Впереди был берег, это была Мальта. Они выплыли на берег – все пассажиры остались целы. Зазимовав на Мальте, они отправились потом в Путеоли, и, наконец, Павел ступил на Аппиеву дорогу!

Я с особым чувством вспоминал это, когда сам шел по этому месту, где частично сохранились некоторые памятники того времени. Отсюда апостол Павел увидел Вечный город! Это был самый дорогой ему город, потому что это был город универсальный, а Павел был проповедником христианского универсализма.

Все народы соединяются во Христе.

Свобода есть главное отличие христианского духа: не рабство, а служение свободе и любви.

И вот этот человек появляется в Риме. Его бурно встречают. Почему? А вы откройте Новый Завет, и там найдете Послание апостола Павла к римлянам. В 58 году, за несколько лет до его прибытия в Рим, он написал римским христианам: «Я знаю о вас, какие вы верные, доблестные, о вас все Церкви знают, и я хочу побывать у вас»³². И он излагает им свою доктрину. Доктрину спасения не через дела Закона, а через благодать Христову!

Христианская свобода, христианская любовь, практическое служение друг другу – вот основа благовестия апостола Павла. Он называет это «моим Евангелием», «моей Радостной Вестью».

Но не надо думать, что он был основателем новой религии. Он всегда считал себя только служителем Иисуса Христа. Христос открылся ему в его опыте, и он говорил от Его лица, как говорит пророк от лица Божия. Поэтому он неотделим от Христа. Поэтому неправы те, которые считали его основателем христианства или сухим богословом.

Это был человек нежный, страстный, любящий, человек, который все положил на алтарь любви к Господу. Он не имел семьи, не имел дома, он всю жизнь странствовал. Но это его не

³⁰ См.: Деян 22, 25.

³¹ См.: Деян 25, 9-12.

³² См.: Рим 1, 8-15.

сделало ни жестоким, ни черствым, а он всегда оставался вдохновенным. В конце концов, в этом Риме он и погиб в 67 году.

У него была одна черта: он каждый час своей жизни чувствовал, как Дух Божий направляет его. Когда он шел, пересекая Тарсийские горы – путь тяжелый, переходы, перевалы, он даже весь полуостров прошел пешком, – он всегда вопрошал Дух Божий и всегда получал ответ. Потому что действие Промысла совершается иногда в мельчайших деталях; это не что-то глобальное, а повседневная жизнь, жизнь каждого дня.

Он постоянно чувствовал близость Бога. Недаром первые христиане в то время называли пришествие Христа Парусией. «Парусия» значит одновременно и «пришествие», и «присутствие», то есть Христос присутствует в нашей жизни.

В 64 году Павел, вероятно, был уже оправдан. Он уехал и, кажется, достиг Испании. В это время осенью в Риме вспыхнул пожар, и впервые огромное множество христиан, как пишет историк того времени Тацит, было зверски казнено в цирках Рима. Сегодня в Колизее стоит памятник-крест в память о тех христианах, которые погибли за Христа.

Через некоторое время Павел снова вернулся в Рим. Его не казнили таким варварским способом, как тех христиан, как Петра, который был распят на Ватиканском холме вниз головой – в угодую, так сказать, палачам. Павла как римского гражданина казнили путем обезглавливания. Он был обезглавлен вне стен города, по преданию – на том месте, где находятся три источника.

Я был в этом месте. Это дикий зеленый пригород. Там сейчас расположено несколько монастырей в чудесном, спокойном месте, который называется Tre Fontane, или «Три источника». И там взошел на эшафот проповедник любви и свободы, веры и надежды, проповедник братства народов и открытого свободного христианства.

Его слово звучало для многих, многих и смущало. Но, я повторяю, чудом, каким-то таинственным Божиим Промыслом оно было оставлено нам, оставлено для того, чтобы питаться им, вникать в него. И когда апостол говорил, что Христос есть конец Закона, мы начинаем понимать, что не религию запугивания проповедовал Христос и открыл нам, а Он разверз перед человеком само Небо!

Каждая религия имеет какие-то земные корни, связана с историей, а здесь приходит нечто такое, что возвышается над историческими, преходящими вещами. Поэтому в учении апостола Павла вера была в центре, и это была вера во Христа.

В скором времени в русском переводе выйдет книга Альберта Швейцера «Мистика апостола Павла» (во всяком случае, она уже переведена и готовится к изданию). Швейцер подчеркивает, что Павел, будучи иудеем, не мог принять индийскую гипотезу о том, что человек способен раствориться в Абсолюте, в Боге, потому что огненное Божье средоточие сжигает человека. Но когда человек хочет приблизиться к Богу, у него есть только одна возможность: постичь Богочеловека, соединиться с Ним. И это является самой глубочайшей сущностью христианской веры.

10 апреля 1990 г. ДК «Серп и Молот»

Начало христианской Церкви

Итак, друзья, мы сегодня уже переходим непосредственно к истории Церкви. Когда мы говорили об апостоле Павле, мы, собственно, и начали историю христианства. Сейчас мы идем дальше...

Итак, около 67 года нашей эры Нерон, император Рима, все больше увлекается своими безумствами, все больше ведет Империю к развалу, но при этом его прежде всего заботят собственные артистические выступления – он певец и стихотворец.

В 66 году против римского владычества восстает Иудея, и начинается Иудейская война. Нерон посылает туда полководца Веспасиана. К 67 году Римская империя охвачена восстаниями, мятежами в армии. В конце концов, один из генералов провозглашает себя императором – Нерон вынужден покончить собой. Достоверное и достаточно романтическое описание всего этого вы можете найти в известном романе Генрика Сенкевича «Quo vadis», или «Камо грядеши».

Около этого времени апостол Павел, по-видимому, второй раз оказывается в Риме, где его приговаривают к смертной казни. Петр уже распят. Из апостолов остается один Иоанн, глубокий старец; ему уже, по-видимому, за 80. Он живет в городе Эфесе. О нем складываются легенды, в христианских общинах твердо верят, что он никогда не умрет, ибо Христос обещал: когда наступит конец мира, Иоанн еще будет жив.

Если вы помните иконографию, то наверно обратили внимание на то, что апостолов-евангелистов Матфея, Марка и Луку изображают за работой – они пишут, и только Иоанн (четвертый евангелист) обычно не пишет, а диктует. Это далекий отголосок предания, что Иоанн передал определенную устную традицию так, как он ее запомнил и как воспринял, как его великий, высокий дух переработал жизнь и учение Иисуса Христа. Так создается Евангелие от Иоанна, которое, как полагают, самое позднее, хотя это не все признают.

По-видимому, вскоре после написания Евангелия Иоанн умер. Прочтите заключительную главу, и вам станет ясно, что она прибавлена к основному тексту. В ней подчеркнуто, что все вышесказанное написал любимый ученик, и это его свидетельство. Сказано, что Христос вовсе не имел в виду, что он будет бессмертным, а просто сказал одну фразу, которую можно толковать по-разному³³.

Вместе с Иоанном уходит со сцены последний свидетель земной жизни Иисуса Христа. Но уже существуют четыре Евангелия, и к этому времени циркулируют народные предания, различные фольклорные сказания, сложившиеся вокруг Христа, Его Матери и апостолов.

Конечно, все они по своему духовному, литературному качеству и по исторической достоверности значительно уступают каноническим Евангелиям. Сейчас вы можете сравнить их, потому что апокрифы, эти неканонические Евангелия, переведены и вышли у нас отдельным томиком под названием «Апокрифы древних христиан» в переводах Ирины Сергеевны Свенцицкой и Марианны Казимировны Трофимовой.

В апокрифах много анахронизмов, ошибок, легендарного приукрашивания, а самое главное – иной дух, чем дух канонических Евангелий. В них юный Христос, мальчик, изображен как существо мстительное, всегда стремящееся доказать и продемонстрировать Свою сверхъестественную силу, что полностью противоречит первоначальному евангельскому преданию.

Помните, когда Иисус вышел на проповедь, Его односельчане были поражены, для них это был шок! А если бы Он с детства показывал какие-то странные вещи, тогда бы они не были так изумлены... Когда евангелисты рассказывают о Воскресении, это всегда очень скупые, сдержанные описания, лишённые всякого приукрашивания: там есть то, что видели живые

³³ См.: Ин 21, 18–23.

люди, то, что слышали, что пережили. А апокрифы полны всяких фантастических видений, например: «Вышел из гроба Сын Человеческий, и голова Его уходила в небо...», и т. д.

К концу I и началу II века Церковь не декретом, не путем какого-то постановления, а как-то органически приняла наши четыре Евангелия как канонические. И уже во II веке они настолько вошли в обиход, что один сирийский писатель, по имени Татиан, составил из них книжку, чтобы удобней было читать, то есть он перемешал все четыре текста и сделал одно повествование³⁴. Но заметьте: он взял за основу только наши четыре канонических Евангелия.

Хочу обратить ваше внимание на то, что историки, философы, текстологи, критики часто говорят: Евангелия отражают жизнь Церкви, ее проблемы, ее нужды, идеи, содержащиеся в сказаниях о Христе, а вовсе не достоверные свидетельства о Его жизни. И так говорили и писали очень авторитетные наши современники: довоенные ученые и ученые более ранних лет.

Но в том-то все и дело, что Евангелия есть удивительное литературное чудо I века. Ибо мы прекрасно знаем, что волновало общины. Первые христиане находились перед лицом колоссального языческого мира.

Вот рано утром выходил христианин на улицу, и первое, что он видел, это были знаки языческих богов. Когда он входил в таверну или в общественную баню (это, собственно, были тогдашние клубы) – кругом были символы богов. У каждого изображения стояли курильницы, кадила, и надо было бросить ладан или сделать жест приветствия божеству. Куда шли люди на любой гражданский праздник? В языческие храмы.

Таким образом, христианин чувствовал себя изгоем, чувствовал себя немного неполноценным гражданином. Более того, кто был богом? Не только божественные существа Олимпа и древней мифологии, но прежде всего глава государства. Император Домициан (90-е годы I века) официально ввел по отношению к себе названия «господин и бог» – вот вам и «культ личности». И все это было для христиан очень тяжелой и мучительной проблемой.

Еще в евангельские времена император Тиберий ввел закон об оскорблении величества, то есть если императору не воздавали соответствующих почестей, это было уголовно наказуемо. Так что жизнь христианина была очень сложной.

Постепенно в общины начали вливаться массы людей нееврейского происхождения, что тоже создавало новые проблемы. Так, у евреев были свои религиозные обычаи – скажем, они не ели свинины, а для греков свинина была совершенно нормальной пищей. И когда христиане собирались вместе и, помолившись, начинали есть, то непонятно было, как же есть вместе, когда эти едят одно, те не едят, – и это было проблемой.

Кроме того, возникла проблема, как устоять перед гонениями императорской власти. В 64 году, как я вам уже рассказывал, когда был распят апостол Петр и когда судили апостола Павла, был пожар в Риме, и, как пишет историк Тацит, огромное количество римских христиан было подвергнуто жестоким казням! Свидетельство в этих обстоятельствах для христиан тоже было еще одной жизненной проблемой.

Что же мы находим в Евангелии? Там вообще не присутствует идея государственной власти. Христос живет в мире, который не хочет ничего знать о Риме, о государстве. Рим далеко. Только один раз Христос говорит, что надо платить подать, отдавая Богу Богово, а кесарю кесарево. Но это не просто налог, а дань, которую платили иудеи завоевателям, – это не было гражданской проблемой, а проблемой отношения к иноземному завоевателю.

Апостол Павел в своих Посланиях чем-то напоминает Достоевского: известно, что Достоевский природу почти не чувствовал, и многие знавшие его говорили, что его больше всего интересует мир человека, что он дитя города.

³⁴ Татиан назвал повествование, составленное из четырех Евангелий, – Диатессарон, от греческого слова *τέσσαρες* – четыре.

И в самом деле, если многие писатели, например, Толстой, Бунин, или Пастернак, уделяют огромное внимание природе как части повествования, то у Достоевского все происходит в человеческом мире, на мрачных, фантастических улицах Петербурга. Таков же и апостол Павел; когда он с чем-то сравнивает свои тезисы, он говорит о городской жизни: о толпах на улице, о спортивных состязаниях, о работе гончара в мастерской.

А Евангелие? Оно сразу нас переносит из душных городов в сельские местности Палестины. Вы помните евангельские притчи? Какие в них образы? Это сеятель, рыбак, виноградарь, жнец, пастух. Здесь совсем другой мир. А какие проблемы? Проблемы отношения с самарянами, жившими в северной Палестине, проблема фарисеев и Закона – что можно употреблять в пищу, чего нельзя. То есть те проблемы, которыми жила Иудея евангельских времен, а не Средиземноморье Римской империи.

Значит, Евангелия доносят до нас подлинную традицию Иерусалимской Церкви, которая дословно передает изначально запомнившееся им слово и дело Христово. Более того, мы можем сказать, что эллинистические, грекоязычные читатели уже не все понимали, и авторам Евангелий надо было объяснять некоторые, арамейские слова, которые приводит Иисус, а также некоторые восточные обычаи, которые им незнакомы.

Эта удивительная особенность Евангелий есть доказательство их глубочайшей достоверности и связи с материнской почвой. Но именно эта весть о Христе, пришедшая из глухого сельского уголка Римской империи, начинает завоевывать мир.

Однако создававшаяся Церковь – это не только союз единоверцев и не только мистическое явление Духа, а это и некая организация. Когда она начинает формироваться, разумеется, возникают трудности. И после писаний Нового Завета мы встречаем уже в I же веке Послание Римского епископа Климента – первого Папы Римского, который обращается уже из столицы Империи к жителям христианского Коринфа и призывает их жить мирно и не конфликтовать, поскольку у них возникли какие-то трения.

Здесь мы сразу должны с вами признать и принять одну вещь: когда мы читаем об истории человека и человечества в Библии, мы находим в ней немало печальных страниц, поэтому иногда начинающие читать Ветхий Завет удивляются: «Сколько здесь описано человеческих грехов, убийств и различных войн!» «Да, – отвечаем мы, – ибо таков человек».

Такова и история Церкви. Она тоже несет на себе печать человеческого несовершенства. Но в ней нас привлекают не эти слабости, которые свойственны людям всех времен, а то, что составляло ее тайну и ее дух. А тайна и дух Церкви заключались в ее святых. Не только в тех, которые попали в наши календари, а в бесчисленном количестве людей, которые жили духом Христовым, которые встретили Христа на своем пути, встретили уже много времени спустя после того, как Он перестал видимо являться на земле.

И вот свидетельство самого начала II века. Некий Игнатий, епископ Антиохии. Ничего о нем мы не знаем; по одной легенде, он был глубокий старик, в то время как по другой – был молод. Скорее молод. Его арестовывают как христианина в первые же годы II века, примерно около 7–10 года при императоре Траяне, очень либеральном императоре. Мы не знаем, почему его арестовывают, но очевидно, потому, что он не признавал культа императора. И поскольку Игнатий – человек знаменитый, видный, уважаемый в таком большом городе, как Антиохия, его переправляют по этапу в Рим, чтобы там казнить. И этот этап из Антиохии Сирийской в Рим превращается в триумфальное шествие!

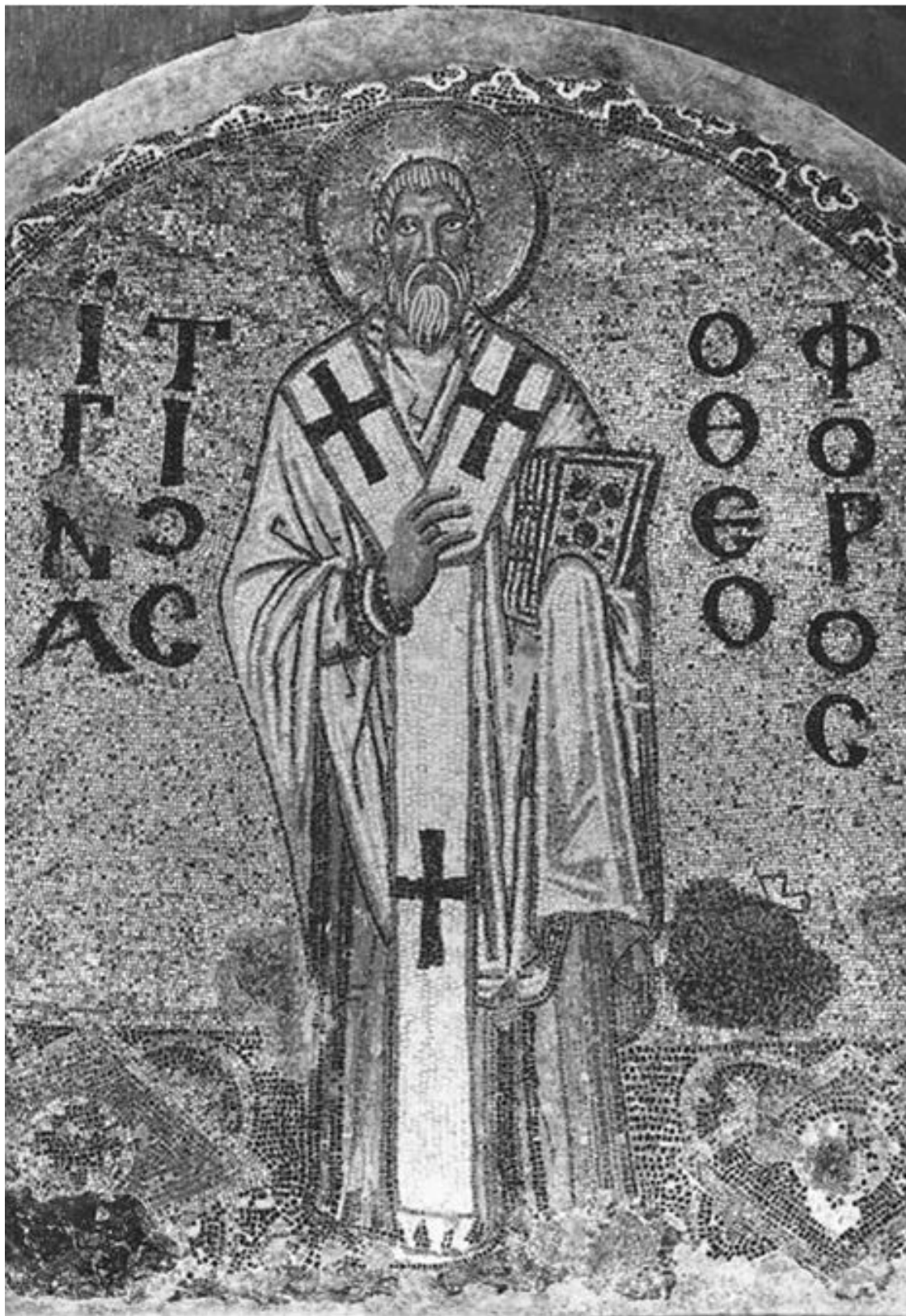
Одни христиане встречают его на дороге и пытаются освободить, другие выходят к нему с пальмовыми ветвями и, приветствуя его, плачут о нем. Это настоящее шествие победителя. Сохранилось несколько писем, которые он писал с дороги церквям различных городов, через которые проходил. И, собственно, по этим письмам мы и знаем об Игнатии.

Его называли Богоносцем, по-гречески *Теоφόρος*. Мы находим в нем натуру страстную, по-южному горячую, но пережившую такой опыт внутренней встречи со Христом, который

может быть сравним только с опытом тех людей, которые видели Христа непосредственно. «Умоляю вас: не оказывайте мне неблаговременной любви. – писал Игнатий. – Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пшеница Божия: пусть измельют меня зубы зверей, чтоб они сделались гробом моим и ничего не оставили от моего тела»³⁵. А его должны были бросить на растерзание зверей.

И уже у Игнатия мы читаем о том, что Церковь – это духовное единство, и во главе стоит епископ, главная задача которого – возглавлять таинство Евхаристии. Когда христиане собирались за столом, на котором были чаша и хлеб, и призывался Дух Божий, Христос приходил, как Он и теперь приходит к людям, и роль епископа была в том, что он произносил слова призывания Духа Божия от лица самой общины.

³⁵ См. Святой Игнатий Богоносец. Послание к Римлянам, IV, пер. прот. Петра Преображенского.

*Игнатий Богоносец. Мозаика собора Святой Софии.
Константинополь. IX в.*

В начале II века складываются ритуалы крещения, возникают разделения функций Церкви, – не даром апостол Павел говорил, что Церковь – это тело, «а порознь – мы ее члены»,

то есть появляются отдельно апостолы, учителя, пророки, евангелисты, толкователи³⁶. Живая жизнь! В нее включены и египтяне, и иудеи, и сирийцы, и греки, и римляне, и италийцы. Уже весть о Христе проникает не только в Сирию, но и в далекую Эфиопию. А во II веке в правление царя Авгара VIII государство Осроена, пусть небольшое, на севере Сирии, со столицей в Эдессе, первой принимает христианство – это какой-то новый момент в истории.

Но не надо думать, что распространение христианства шло гладко. Уже в конце I века, после гонений Нерона, начинаются другие преследования. И многие души содрогаются, видя это. И не от страха, а от великого недоумения: почему Бог допускает власти торжествовать?

И тогда появляется великая книга христианства, которая стала потом последней книгой Библии, – Апокалипсис. Писал ее апостол Иоанн, по-видимому, между 60-ми и 90-ми годами. До сих пор неясно, начал ли он писать тогда, когда Храм был уже разрушен, или нет.

Дело в том, что война иудеев против Рима длилась четыре года. Крошечная страна четыре года оказывала военное сопротивление Римской империи, и надо было бросить туда несколько больших легионов, прежде чем эта четырехлетняя война кончилась...

³⁶ См.: 1 Кор 12, 12–31.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.